

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №3, Том 12 / 2021, No 3, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/10FLSK321.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Горячева Е.Д. Языковая личность автора новеллы Серебряного века: лингвопрагматический аспект // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/10FLSK321.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Goryacheva E.D. (2021). The linguistic personality of the author of the novelette of the Silver Age: the linguistic and pragmatic aspects. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(12). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/10FLSK321.pdf> (in Russian)

Горячева Елена Дмитриевна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Доцент кафедры «Английского языка гуманитарных факультетов»

Кандидат филологических наук

E-mail: edgoryacheva@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5881-7166>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=911310

Языковая личность автора новеллы Серебряного века: лингвопрагматический аспект

Аннотация. Статья посвящена изучению языковой личности автора новеллы Серебряного века в лингвопрагматическом аспекте. Прагматический уровень языковой личности формирует сам образ мира, который языковая личность транслирует в своих текстах. Языковая личность автора выступает основным субъектом художественного текста, для которого свойственна индивидуально-авторская картина мира, структурируемая на основе категоризации мира в идейном и эстетическом плане. Особую роль приобретает и жанр, избранный автором для реализации художественного замысла. Новелла — один из тех жанров, который позволяет автору реализовать основные эстетические принципы модерна, при этом традиционная новеллистическая форма трансформирует под влиянием потребности рассмотрения онтологической тематики во вневременной перспективе. Для языковой личности автора новеллы Серебряного века свойственен обширный исторический, социо- и лингвокультурный кругозор, что в художественном тексте реализовано посредством прецедентных феноменов. Автор новеллы продуцирует сказовую манеру, в которой он представлен как совокупность нескольких языковых личностей. В результате исследования установлено, что языковая личность автора новеллы Серебряного века характеризуется тенденцией к минимизации внутренней речи персонажей и открытой мотивированности поступков, что закономерно усиливает динамичность действия и активизирует художественную детализацию посредством лексической и синтаксической маркированности. Для языковой личности автора также свойственна эксплицитная и имплицитная субъективная модальность, обнаруживаемая на всех уровнях художественного текста новеллы. Лингвопрагматическая специфика языковых и текстовых единиц, участвующих в формировании семантического пространства художественного текста, гипотетически коррелирует с жанровыми традициями и инновациями, а выяснение их диалектического взаимодействия оказывается весьма перспективным для научной парадигмы современной лингвистики.

Ключевые слова: языковая личность; художественный текст; автор; новелла; прецедентный феномен; идиостиль; субъективная модальность

Введение

Концепция языковой личности, предложенная и развитая Ю.Н. Карауловым [1], играет в современной лингвистике определяющую роль, создавая фундамент междисциплинарных исследований, т. к. изучать человека вне его языка невозможно. Общеизвестно, что структура языковой личности включает три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический. На вербально-семантическом уровне предполагается владение носителем естественным языком, когнитивный уровень включает концепты, ценности, понятия, формирующие картину мира личности, на прагматическом уровне сконцентрированы цели, мотивы и интересы языковой личности [1, с. 5]. Несмотря на то, что значимое место в структуре языковой личности занимают ценности, манифестирующие личностное отношение к миру и образующие ценностную картину мира [2], прагматический уровень оказывает важное влияние на сам образ мира, который языковая личность транслирует в своей тексто-дискурсивной деятельности.

Выбор языковых средств разноуровневой принадлежности, детеминированный социально и индивидуально, личностное мировидение, индивидуальная картина мира, определяемая во многом языковой картиной мира, — все эти аспекты представляют собой релевантные характеристики языковой личности, которая формирует собственный мир смыслов, наиболее значимый для создателя художественного текста как субъекта творческого, структурирующего семантическое пространство такого текста.

Писатель выступает в своей дискурсивно-текстовой деятельности как множество языковых личностей, каждая из которых, разумеется, отражает специфику целостной языковой личности автора художественного текста. При этом целесообразно говорить о языке определенной эпохи, воплощаемом в текстовом пространстве [3], а идиостиль обуславливается «характером отображаемой автором действительности, особенностями избираемой тематики, специфическими чертами персонажей», однако «тезаурус личности, как способ организации знаний о мире, имеет явно выраженную тенденцию к стандартизации его структуры, к выравниванию ее у разных членов говорящего на одном языке коллектива, при одновременном произволе в способах ее субъективации, индивидуального присвоения» [1, с. 172]. Основной субъект художественного текста — языковая личность автора, которая манифестирует индивидуально-авторскую картину мира на основании категоризации в идейном и эстетическом плане, причем особое значение имеет в данном случае и избранный автором жанр.

Наш исследовательский интерес к изучению языковой личности автора новеллы в лингвопрагматическом аспекте определяется особым местом данного жанра не только в прозе Серебряного века, но и в истории мировой литературы в целом. Отсутствие эпической широты и подробной, в том числе и психологической, обрисовки характеров в новеллистическом жанре не способствуют созданию его дефиниции, единой для всех литературных эпох, а значит, дают возможность обнаружить мировоззренческие и ценностные доминанты писателей, принадлежащих к разным художественным направлениям и репрезентирующих в своих новеллистических текстах компоненты индивидуально-авторской картины мира посредством обращения к устойчивым жанровым признакам при их хронологической динамике, которая значима, в том числе, и для развития идиостиля.

Методы исследования составляют единый комплекс, применяемый к материалу — новеллам М.А. Кузмина, Г.И. Чулкова, Ф.К. Сологуба. Этот комплекс включает метод

описания, индуктивно-дедуктивный метод, метод филологической интерпретации и контекстуального анализа.

Результаты

Языковая личность автора новеллы Серебряного века характеризуется широким историческим, социо- и лингвокультурным кругозором, что позволяет ей вводить в свои тексты прецедентные феномены, использовать лексические и синтаксические маркеры для реализации собственного идиостиля в текстовом пространстве данного жанра. Основной целью автора новеллы становится продуцирование сказовой манеры, в реализации которой он выступает как совокупность нескольких языковых личностей, каждая из которых участвует как в создании художественной образности, так и трансформации традиционного жанра, подчиняя его необходимости постановки человека в центр истории и мироздания, вневременной «разомкнутости» сюжетного действия.

Обсуждение

Для Серебряного века как одного из самых значимых периодов развития русской культуры характерны разноуровневые трансформации, обусловленные самой переходной эпохой рубежа XIX–XX вв. Жанровая семантика оказывается тесно связанной с процессами миромоделирования, свойственного русскому модерну. Каждый автор-модернист осознает себя как демиург, что детерминирует создание в художественных текстах всех видов искусства миров, отличных от познаваемого эмпирически. Субъект повествования становится определяющим в тексте, т. к. требования жанра перестают быть строгими и не связаны теперь с запечатлеваемой реальностью. Автор стремится модифицировать традиционные жанры, в том числе, и под влиянием игровой эстетики модерна.

Тем не менее жанр новеллы сохраняет определенные связи с традицией, т. к. именно здесь происходит транслирование культурного опыта прошлого в новое искусство. Отметим в этой связи, что символисты позиционируют себя как носителей нового мировоззрения, подводящего итог всему развитию мировой культуры, тогда как акмеисты обращаются не столько к отрицанию идей символизма, сколько к активизации культурного «багажа», духовной памяти, что обуславливает «разомкнутость» художественного познания вглубь культурных эпох. Жанр новеллы более, чем другие прозаические жанры, отражает особенности эстетической когниции писателей-модернистов.

Научная парадигма литературоведения включает целый ряд определений новеллы, при этом исследователи сосредоточивают свои поиски в рамках таксономии устойчивых признаков новеллистического жанра. Так, М. Эпштейн обосновывает центральное место случая в сюжетной перипетии новеллы и выявляет отличия этого жанра от рассказа, состоящие в центростремительном развитии действия и парадоксальности описываемых явлений [4, с. 248], центростремительность сюжета и для В. Тюпы является доминантой жанра [5, с. 16]. А. Реформатский указывает на «специфическую структуру» [6, с. 560] как один из облигаторных признаков данного жанра. Отличительными признаками новеллы Б.В. Томашевский считает единственную фабульную нить, отсутствие описательных элементов, которые сопровождали бы мотивы рассказчика, это, в свою очередь, обуславливает особую сказовую манеру и язык новеллы, а также развязку, акцентированную посредством введения в текст новых персонажей и мотивов, которые не были подготовлены фабулой [7, с. 208–209]. Развивая принцип приоритета формального критерия, Г. Пospelов подключает к нему и аспекты содержания: малый объем текста (форма) уточняется в его дефиниции новеллы признаком динамичного и неожиданно завершающегося конфликта, позволяющего, в

свою очередь, выявить в персонаже свойства, неожиданные для читателя [8, с. 17]. Е.М. Мелетинский выдвигает в качестве определяющих для новеллы признак краткости, а также описание одного сюжетного события, описываемого как интенсивно развивающееся и приводящее к кульминации, следствием чего становится отсутствие рефлексии и психологического анализа персонажей [9, с. 5–6]. На основании обращения к репрезентативному массиву художественных текстов разных исторических периодов Е.М. Мелетинский доказывает близость новеллы анекдоту и притче, что, на наш взгляд, определяет игровую поэтику новеллистического жанра, а также лаконизм и афористичность языка новелл.

Автор новеллы Серебряного века, по нашим наблюдениям, обнаруживает особый интерес к введению в свои художественные тексты прецедентных феноменов, отсылающих читателя к разным историческим и культурным эпохам. Так, довольно частотным становится обращение ко времени античности, что создает необходимый фон повествования. Например, в новелле М. Кузмина «Рассказ о Ксанфе, поваре царя Александра, и жене его Калле» представлен следующий контекст: «А там, рассекая мелкие волны, мчался тритон и наяда с лицами Ксанфа и Каллы; первый трубил в витой рог, а та, обвив шею другу, кричала, широко раскрывши рот»¹. Представляется, что лексемы *тритон* и *наяда*, обозначающие морские божества древнегреческой мифологии, позволяют автору создать необходимый фон повествования посредством реализации культурного кода. Прецедентные феномены, адекватно интерпретируемые читателем, позволяют выявить акцентируемый автором смысл, важный для декодирования художественного замысла, они обнаруживают имплицитные значения художественных образов, представленные в текстовом пространстве в «свернутом виде» [10; 11].

Отметим в этой связи, что автор художественного текста обращается к прецедентным феноменам, связанным со временем античности, и для придания контексту обобщающего («притчевого») значения, например, в новелле М. Кузмина «Хорошая подготовка»: «Даже у восьмидесятилетних стариков загораются глаза и бьется сердце при виде не только розовых щек и легкой поступи, но и в разных других, казалось бы, совсем не подходящих случаях, потому что *Амур* — слеп и таинственен — и поступки его часто не сообразуются ни с какой видимой логикой»². Упоминание древнеримского бога любви Амура позволяет обозначить онтологическую тему новеллы вне того хронологического контекста, в котором развивается действие — сюжет связан не с античностью, а с Итальянским Возрождением, и именно на это время указывают имена героев (Лавиния Перелла, Гаetano Феруччи), топонимы (Сиенна), а также, прежде всего, лексема *монна* (ит. 'госпожа')³, употребляемая автором частотно в сочетании с личным именем героини (именно так именовались представительницы благородных итальянских семейств).

С той же целью — придание художественному тексту вневременного значения — реализованы прецедентные феномены и в следующем контексте: «Вот почему я не восхищаюсь *Пироном*, который прошел равнодушно мимо попавшего случайно в яму *Анаксарха*, полагая, что всякая видимость ничего не значит и что поэтому решительно все равно, протянет или не протянет он руку своему злополучному ученику»⁴. В этом контексте Г. Чулков обращается не

¹ Новелла Серебряного века: сб. / Сост. и коммент. Т. Берегулевой-Дмитриевой. — М.: ТЕРРА, 1994. — С. 12.

² Новелла Серебряного века. — С. 42.

³ Monna / Enciclopedia di italiano [Электронный ресурс]. — 2013. — URL: <https://encyclopedia.it.en-academic.com/>.

⁴ Новелла Серебряного века. — С. 318.

только к прецедентным именам (Пирон из Элиды (ок. 365 – ок. 275 до н.э.) — древнегреческий философ, основатель скептицизма, проповедовал теорию полного «безразличия» ко всему окружающему; Анаксарх — друг Пирона, ученик древнегреческого философа Демокрита), но и отсылает читателя к знанию прецедентной ситуации, которая должна быть запечатлена в культурной памяти: по легенде Пирон не помог Анаксарху выбраться из ямы, считая бесполезным вмешиваться в ход вещей. Безусловно, такая прецедентность текста характеризует языковую личность автора как такую, для которой значимы культурные коды разных эпох, который именно таким путем помещает человека в центр истории и мироздания, разрушая временные границы.

Значим для новеллы и жанровый признак отсутствия внутренней речи персонажей и, как следствие, открытой мотивированности поступков. Этот важный аспект находит отражение в текстовом пространстве новеллы посредством усиления динамичности действия и отсылки читателя к определенным историческим периодам через художественную детализацию, лексические маркеры и синтаксические конструкции. Например, у Ф. Сологуба в новелле «Призывающий Зверя» представлен следующий контекст: «Тимарид бросился бежать. В темноте недолго мелькал его белый плащ. И вот уже он скрылся. И в тот же миг раздалось страшное рыкание Зверя и послышалась его тяжелая поступь <...> И на темном молчании точеных дерев, темный и свирепый, приблизился Зверь к Аристомаху. Ужас наполнил сердце Аристомаха. «Где же копьё?» — краткая мелькнула в голове его мысль»⁵. Отметим, что в данном контексте такими художественными деталями выступают плащ и *копье*, тогда как лексические маркеры и синтаксические конструкции в целом подчинены законам стилизации: автор воссоздает здесь ритм повествования, свойственный античным художественным текстам (*на темном молчании, точеных дерев, ужас наполнил сердце*). Особое место занимает в приведенном контексте инверсия *краткая мелькнула в голове его мысль*.

Детализация повествования позволяет воссоздать фон повествования и за счет этого не приводит подробных описаний, в том числе и расширяющим психологические характеристики. Так, М. Кузмин в новелле «Набег на Барсуковку» относит сюжетное действие к первым десятилетиям XIX в., однако не дает в тексте точной датировки событий: «Петр Трифонович, нарочно для пренебрежения одетый в старый халат, потребовал себе все ключи и сидел в круглой зале, читая *календарь* за 1811 год, а Илья Петрович здесь же перелистывал «*Эмилия*»»⁶. Тем не менее, читатель, декодируя имплицитные смыслы, может отчетливо представить обстановку русской усадьбы, ее неспешный быт и круг чтения ее хозяев: *Календарь* — справочник, ежегодно издававшийся в России, в котором публиковались списки награжденных орденами или произведенных в следующий чин; «*Эмиль, или О воспитании*» (1762) — популярный в дворянских кругах конца XVIII – начала XIX в. педагогический трактат Ж.-Ж. Руссо, в котором выдвинута идея естественного, сообразующегося с природой воспитания. Сам выбор этих изданий также многое сообщает читателю вне описания внутреннего мира героев: Илья Петрович избирает для чтения произведение словесности, в котором в художественных образах отражены философские идеи Французского Просвещения, тогда как Петр Трифонович читает справочник с тем, чтобы быть в курсе изменений статуса представителей своего круга.

Для новеллы в тесной связи с ее лаконичным текстовым объемом и отсутствием возможности подробной характеристики особое значение приобретает сказовая манера, маркеры которой обнаруживают субъективную модальность автора или рассказчика. Например, у М. Кузмина в новелле «Завтра будет хорошая погода» такие маркеры — не только

⁵ Новелла Серебряного века. — С. 387.

⁶ Новелла Серебряного века. — С. 60.

топоним-прецедентное имя *Верона*, место действия трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта», но и, прежде всего, само описание пейзажа, окрашенное личностными переживаниями (*кажется, что наступит не зима, а готовится какая-то весна, лето чувств, жизни, всего*): «Когда бывают такие ясные осенние ночи, мне всегда Петербург представляется не русским северным городом, а какою-то *Вероною*, где живут влюбленные соперники, и всегда кажется, что наступит не зима, а готовится какая-то весна, лето чувств, жизни, всего»⁷.

Также значимыми маркерами сказовой манеры, значимой для идиостиля автора новеллы, следует считать лексику и синтаксические модели, свойственные его языковой личности. Например, у Г. Чулкова в новелле «Голос из могилы»: «И в то время, когда в ее верхнем ярусе, над землею, служат мессу среди *средневековых стен, украшенных богатою мозаикой*, представляющей Христа с символами евангелистов, св. Климента, св. Лаврентия и св. город Вифлеем, там, *в глубине, под мрачными сводами* скрывается иная, безмолвная церковь, где при свете свечи можно рассмотреть древнейшие фрески первых веков христианства, бледные и полустертые, но еще сохранившие выразительность рисунка, в котором явственно отразилась *экстатическая и целомудренная душа художника*»⁸. В приведенном контексте маркерами субъективной модальности следует считать как саму синтаксическую организацию контекста по принципу контраста (*в то время как, ... там ...*), так и лексические репрезентанты, позволяющие читателю составить представление об отношении рассказчика к фону новеллистического повествования (среди средневековых стен, украшенных богатою мозаикой; в глубине, под мрачными сводами; скрывается иная, безмолвная церковь; экстатическая и целомудренная душа художника).

Изучение языковой личности автора мыслится нами в координатах общего направления в современной лингвистике [12; 13] как выяснение и описание тех языковых механизмов, которые позволяют особым образом воздействовать на читателя. При этом немаловажную роль играют «точки схождения» исследования текстового пространства и жанровых признаков конкретного текста, которые обнаруживают диалектическую связь с лексической и синтаксической спецификой, а также с субъективной модальностью текста и его прецедентностью. Перспективным представляется выявление и описание лингвопрагматических особенностей языковых и текстовых единиц, с помощью которых осуществляется формирование семантического пространства художественного текста, тесно связанное с жанровыми канонами и инновациями в разные культурные эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 2007. — 261 с.
2. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность / В.И. Карасик // Филология — Philologica. — Краснодар: КубГУ, 1994. — С. 2–7.
3. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. — СПб.: Азбука, 2000. — 336 с.
4. Эпштейн М.Н. Новелла / М.Н. Эйнштейн // Литературный Энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — С. 248.

⁷ Новелла Серебряного века. — С. 120.

⁸ Новелла Серебряного века. — С. 320–321.

5. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа / В.И. Тюпа. — М.: Высшая школа, 2018. — 196 с.
6. Реформатский А.А. Опыт анализа новеллистической композиции / А.А. Реформатский // Семиотика. — М.: Радуга, 1983. — С. 486–495.
7. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 334 с.
8. Пospelов Г.Н. Типология литературных родов и жанров / Г.Н. Пospelов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 1978. — № 4. — С. 12–18.
9. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы / Е.М. Мелетинский. — М.: Наука, 1990. — 278 с.
10. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: «Филология», 1997. Вып. 2. 124 с. URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_02_01krasnuch.pdf.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
12. Катермина В.В. Языковая личность автора в художественном тексте // Человек. Культура. Образование. — 2016. — № 2(20). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-avtora-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 16.07.2021).
13. Борисова В.М. Проблема языковой личности автора как категория художественного текста / В.М. Борисова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2006. — № 5–2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-yazykovoy-lichnosti-avtora-kak-kategoriya-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 16.07.2021).

Goryacheva Elena Dmitrievna

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication

E-mail: edgoryacheva@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5881-7166>

RSCI: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=911310

The linguistic personality of the author of the novelette of the Silver Age: the linguistic and pragmatic aspects

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic personality of the author of the novelette of the Silver Age in the linguistic and pragmatic aspects. The pragmatic level of a linguistic personality forms the very image of the world, which the linguistic personality translates in his texts. The linguistic personality of the author is the main subject of a literary text, which is characterized by an individual author's picture of the world, structured on the basis of the categorization of the world in the ideological and aesthetic terms. The genre chosen by the author for the implementation of the artistic concept also acquires a special role. The novella is one of those genres that allows the author to realize the basic aesthetic principles of modernity, while the traditional novelistic form transforms under the influence of the need to consider ontological topics in a timeless perspective. The linguistic personality of the author of the Silver Age novelette is characterized by an extensive historical, socio- and linguocultural outlook, which is realized in the literary text through precedent phenomena. The author of the novel produces a fabulous manner in which he is presented as a collection of several linguistic personalities. As a result of the study, it was found that the linguistic personality of the author of the Silver Age novelette is characterized by a tendency to minimize the characters' inner speech and open motivation of actions, which naturally enhances the dynamism of the action and activates artistic detailing through lexical and syntactic marking. The author's linguistic personality is also characterized by explicit and implicit subjective modality, which is found at all levels of the literary text of the novel. The linguistic-pragmatic specificity of linguistic and textual units participating in the formation of the semantic space of a literary text, hypothetically correlates with genre traditions and innovations, and the elucidation of their dialectical interaction turns out to be very promising for the scientific paradigm of modern linguistics.

Keywords: linguistic personality; literary text; author; novelette; precedent phenomenon; idiostyle; subjective modality